

Золотухин переплюнул Смирнову и Кончаловского

Мир новостей. — 1999. — 18-25 сент. — с. 11

Павел УЛЬЯШОВ
Вечерний клуб.
Подписной индекс 34296

В московском издательстве «Алгоритм» только что вышли его дневники «На плахе Таганки», поражающие своей откровенностью, описанием личных, порой интимных отношений. Такая книга у нас, даже по нынешним временам, редкость, разумеется, если не брать бульварную литературу. Разве что мемуары Лидии Смирновой «Моя любовь» да «Низкие истины» Михалкова-Кончаловского. Но, кажется, Золотухин и их переплюнул.

— Надо ли так оголяться, Валерий Сергеевич? А вы ведь еще и пишете: назло вам разденусь, на погибель свою нравственную, а то и физическую. Эх, хватило!

— Что поделаешь — претендую на жанр «Беззастенчивая правда». Речь ведь не только о драме Театра на Таганке, о моих отношениях с коллегами и учителями — Высоцким, Любимовым, Демидовой, Губенко, Филатовым, Бортником. Я пишу о собственных мучениях и переживаниях в связи со всем этим. Поэтому и возможные обиды прошу адресовать не мне лично, гражданину Золотухину, а тому, кто сидит где-то во мне, и больше всего мешает, может быть, мне самому и обижает меня самого.

— Фрейдизм какой-то. Вы, часом, черной магией не увлекаетесь?
— Я человек верующий.

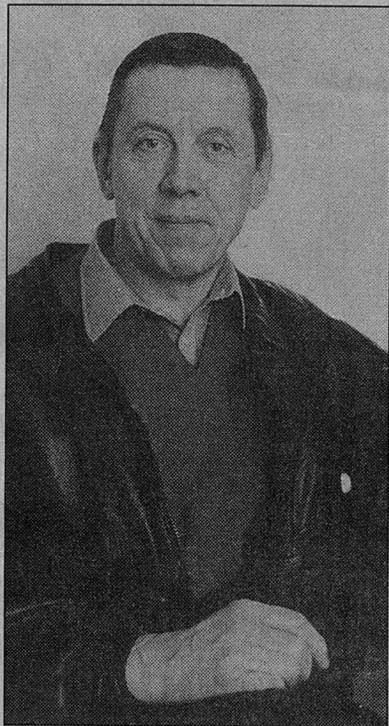

Фото Якова ТИТОВА

— Ах да, вы же храм строите...
— Точнее, восстанавливаю. Разрушенную церковь на своей родине, в алтайском селе Быстрый Исток. И тем замаливаю грехи свои и своих предков.
— И далеко продвинулись?
— Пока не дальше фундамента. Но в том не моя вина. Просто собранные средства обесценились. Но когда-нибудь храм все же будет восстановлен.

— Вы изо дня в день записывали все театральные события, разговоры коллег, скандалы и прочее. Бесценный материал для истории. И все равно трудно понять — из-за чего Таганка раскололась.

— Люди тогда были взбаламучены, отчаялись, ругались до слез. Конечно, наделали много ошибок. Боялись приватизации театра Любимовым, безработицы. Но, куда ни кинь, Любимов действительно хозяин театра. Он хотел попробовать создать что-то новое, в новых условиях, а актеры консервативны, каждый думал о себе.

— А возможен такой фантастический вариант: примирение, объединение двух трупп — любимовской и губенковской? Есть же у вас ностальгические нотки в дневнике по поводу прошлой дружбы с Губенко, Филатовым.

— Да, бывали такие сны: вспоминаешь старую дружбу, плачешь в подушку. Но слишком много воды утекло. Сегодня мы существуем вроде бы в едином пространстве, живем через стенку, но — в разных мирах.

— В ваших «снах» много говорится и о Высоцком. Как строились ваши отношения?

— Володя не требовал себе особых благ в жизни, особой зарплаты, одежды особой, питья или не в меру комплиментарного признания.

— Можно многое перечислять из того, чего он не требовал особого, но... если в компании была женщина или женщины, за ним было негласное, но безоговорочное

право на любую из них. Первый выбор был за ним, остальные разбирали дам после него. Вот это как бы само собой разумеющееся и не подлежащее сомнению — что какая-то может предпочесть кого-то другого — это меня умиляло, но других, я думаю, задевало не на шутку.

— Вы лично не завидовали такому личу?

— Я Высоцкому не завидовал вообще. Ничуть, нисколько, и это Марина Влади в своем «Прерванном полете» даже специально отметила.

— Как Любимов относится к вашим воспоминаниям?

— Да никак. Он, по-моему, их и не читал. Хотя иногда иронизирует, называет «известным летописцем». А однажды обмолвился: «Ты со своими записями умней становишься». То есть он хотел сказать, что, записывая за умными людьми, в том числе, конечно, и за ним, я сам становлюсь умнее. Ну что ж, пусть будет так. Главное, что не глупее.

— Главы вашей книги названы, скажем так, оригинально: «Всех денег не заработаешь, а пропить можно все», «Секс мне необходим каждый день», «Не бросай Тамару, сынок...» Биография выстраивается. А вот ваши записи в дневниках: «бросить жену — немислимая была бы глупость»; «у Тамары день рождения.. Милая моя Тамара Владимировна! Я счастлив, что встретил тебя, поверь мне...»; «Осенью надо отметить наше с

Тамарой 20-летие. Лучшей не надо мне жены». И рядом — многостраничный роман с Ирбис, невероятно откровенный, интимный. Честно говоря, я зауважал вашу жену за мужество, с которым она терпит ваши «художественные поиски». И все же...

— Ну вы же прервали запись на полуслове, а дальше: «Может быть, и есть лучше жены, но применительно к моей индивидуальности, характеру и уродству — не надо. Она верная, терпеливая и, как всякая истинно русская баба, прощающая...» Это многое, если не все, объясняет. Я женат дважды. Знаете пословицу: «Первая жена — от Бога, вторая — от мира, третья — от дьявола». А «роман» с Ирбис по сути спас мою семью. Эта любовь, сумасшедшая страсть отвлекли от многих трагических проблем. Разводиться не надо — жалко... и вообще. Это то, что дало и силы, и жизнь. Пусть иллюзия, мираж... Но он рождает что-то конкретное — страницы прозы и поэзии.

— Сложный у нас получился образ актера Золотухина — то грешник, то чуть ли не святой. Вот и первую главу своей книги вы назвали «Мизантроп», а последнюю — «Прости меня, Господи!». Символическое обрамление. Что вы хотели этим сказать?

— Только то, что сказал. Грешу и каюсь, грешу и каюсь — «Прости меня, Господи, не по злему умыслу грешу, а по неразумению человеческого, по слабости духа. Но все равно верую...»